

УДК 94(47)

DOI:10.35330/1991-6639-2020-2-94-94-101

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРИСТАВСКИХ УПРАВЛЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII В.

И.Р. НАХУШЕВА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: kbsu.ru

В статье рассматриваются истоки формирования системы приставских управлений на Северном Кавказе в последней трети XVIII в. Определяется место приставств в системе локального судебно-административного контроля российской власти над жизнью коренного населения. Изучены особенности учреждения кабардинского и ногойских приставств, охарактеризованы функции приставов, установлена их территориальная подведомственность, предприняты попытки восстановления их личностей. Сделан вывод, что учрежденные в последней трети XVIII в. на Центральном Кавказе и в Степном Предкавказье приставства стали базой для последующего создания управления Главного пристава – структуры, интегрирующей и координирующей деятельность локальных (частных) приставств.

Ключевые слова: приставские управления, частный пристав, Главный пристав, Северный Кавказ, Российская империя, административное устройство.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из форм инкорпорации народов Северного Кавказа в политико-правовое пространство Российской империи в последней трети XVIII – первой половине XIX в. было создание системы локального судебно-административного контроля на подведомственной территории. В этом процессе важную роль играли приставские управления – временные учреждения российского государственного аппарата, создававшиеся в переходные исторические периоды для надзора за жизнью народов, проживавших на находившихся под имперским суверенитетом территориях. Пристав – военный офицер, носитель посреднических функций в коммуникации российской власти с региональными этноэлитами.

В последней трети XVIII – первой половине XIX в. на Северном Кавказе была создана целая сеть приставских управлений, которая постоянно расширялась на фоне изменения военно-политической ситуации. В начале XIX в. начала складываться разноуровневая система приставств, когда в руках Главного пристава сосредотачивались полномочия по

администрированию деятельности локальных (частных) приставов. В конце 50-х гг. XIX в. в условиях установления военно-народного управления приставства были реорганизованы в участковые администрации и вошли в состав разных округов Терской, Кубанской и других областей. В связи с этим целью настоящей работы является исследование истоков формирования системы приставских управлений на Центральном Кавказе и в Степном Предкавказье в последней трети XVIII в. и создания предпосылок для учреждения вышестоящей для них инстанции в лице Главного пристава.

Некоторые вопросы учреждения и функционирования приставских управлений на Центральном Кавказе и в Степном Предкавказье затрагивались в трудах З.М. Блиевой [7;8], Г.Н. Малаховой [15], Д.С. Кидирниязова [13; 14], А.Н. Мамедова [17], М.И. Афауновой [6], В.Н. Мальцева и А.Ю. Чирга [16], З.Ж. Глашевой [10], Т.А. Джумагуловой [11; 12],

Е.С. Шавлоховой [20], А.Х. Абазова [1; 2] и др. Однако к настоящему времени накопилась достаточная источниковая база для исследования истории приставских управлений в системе локального судебно-административного контроля российской власти на Кавказе в последней трети XVIII – первой половине XIX в. как комплексного явления.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В 1769 г. было учреждено приставское управление Кабарды. 3 ноября этого года Екатерина II специальным указом назначила приставом кабардинского народа секунд-майора Дмитрия Таганова [18, с. 60]. В указе императрицы генерал-майору И.Ф. Медему от 21 июля 1769 г. говорилось: «Секунд-майора Таганова, находившегося при Калмыцких делах, приказано употребить по Кабардинским делам» [5, с. 83]. Д.В. Таганов был внуком знатного ногойского мурзы – «Мусы-Мурзы, главного над Солтанаульскими Татарами...» [5, с. 83]. По данным Д.С. Кидирниязова, Таганов получил образование в Санкт-Петербурге [13, с. 23]. Он был приставом Кабарды до 1783 г. [9, с. 75].

Основными функциями кабардинского пристава были:

- 1) «наблюдение за кабардинскими князьями, которые должны были согласовывать с ним свои действия» [19, с. 33];
- 2) установление отношений с закубанскими черкесами [6, с. 101];
- 3) выполнение посреднических функций во взаимодействии российской власти и представителей местного нобилитета и т.п.

В указе императрицы генералу И.Ф. Медему от 3 ноября 1769 г. сообщалось о предпочтении мирных способов установления отношений с кабардинцами [5, с. 84]. Д. Таганов упоминается в качестве пристава Кабарды в основном как источник информации о военно-политической ситуации в Северо-Кавказском регионе в рапортах И.Ф. Медема первой половины 70-х гг. XVIII в. [5, с. 87]. Кроме того, пристав Кабарды упоминается в рапорте генерала Медема от 8 апреля 1777 г., в котором сообщалось, что 29 октября 1776 г. вместе с майором Бушуевым Д. Таганов был отправлен в Кабарду для дачи местному нобилитету соответствующих разъяснений по поводу складывавшейся международной и военнополитической ситуации на Северном Кавказе после подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774) [5, с. 89].

Следует обратить внимание, что в документах 1774 г. упоминается майор Криндер как посредник при взаимодействии представителей кабардинского нобилитета с российской

властью в регионе. В частности, в рапорте генерала Медема от 11 июня 1774 г. сообщалось, что «кабардинские владельцы Джанхот Татарханов и Девлет-Гирей Касаев, оказывая себя усердными и верными к России, *просили неотступно майора Криндера* выступить против неприятеля для защиты верных нам (России – *И.Н.*) кабардинцев от крымского войска, уверяя, что большая часть кабардинцев пристанут к нашей стороне, коль скоро увидит российскую силу (курсив наш. – *И.Н.*)» [5, с. 88]. В документе отмечается, что эта просьба со стороны Медема была удовлетворена, майору Крендеру был передан под командование военный отряд численностью 1356 человек и приказано передислоцироваться к редуту Баштамак [5, с. 88]. Однако известия, полученные Криндером от Девлет-Гирея Касаева, стали основанием для принятия решения первым возвратиться обратно в Моздок. В документах упоминается, что майор Криндер был разжалован в солдаты из-за инцидента вблизи Дербента. Примечательно, что для решения инцидента в помощь был направлен майор Фромгольт, который в начале 80-х гг. XVIII в. фигурировал в документах как пристав Малой Кабарды [5, с. 89] и в 1780 г. принимал участие в подавлении бунта в Кабарде [6, с. 102].

Введение приставского управления в Кабарде предполагало не только создание первоначальных форм локального судебно-административного контроля над кабардинцами, но и последующее поэтапное отнесение к сфере российского влияния представителей других коренных народов региона. Для этого властями рассматривались такие меры, как учреждение приставств на территориях проживания других кавказских народов или их переселение на подведомственные кабардинскому приставу территории [5, с. 83-84].

Однако в последней трети XVIII в. переселение как форма установления российской власти в регионе не применялось, тогда как приставские управления создавались и функционировали также на других территориях Северного Кавказа и Степного Предкавказья. Например, А.Т. Джамагулова установила, что в июле-сентябре 1771 г. после переселения в Кубанскую степь кочевавших до этого в Северном Причерноморье ногайцев с целью надзора за миграцией «к ним был назначен в приставы подполковник Стремоухов с неявными надзирательными функциями» [11, с. 35]. В подведомственность пристава были переданы кочевья ногайцев, простиравшиеся на территории между реками Ея и Кубань. Пристав Стремоухов упоминался в рапорте генерала И.Ф. Медема от 3 марта 1774 г. как источник информации о военно-политической ситуации на подведомственной ему территории [5, с. 87]. 1 августа 1774 г. подполковника Стремоухова на данной должности сменил подполковник И.Ф. Лешкевич [11, с. 35]. Сложности, связанные с трансфером власти среди представителей ногайской этноэлиты во второй половине 70-х гг. XVIII в., привели к усилению влияния назначенного к ним пристава и расширению круга его полномочий. Так, после смерти авторитетного мурзы Джанмамбет-бия в 1776 г. возникли сложности с передачей его власти, и некоторые его полномочия стали переходить к приставу. И.Ф. Лешкевич стал принимать участие в решении споров и конфликтов, возникавших между ногайцами и представителями соседних народов.

Именно с этого времени стала усиливаться значимость ногайского пристава. А в 1793 г. было официально учреждено приставство ногайцев Северного Кавказа. А.Т. Джамагулова видит в этом событии действенный механизм обеспечения поэтапного вхождения ногайцев в административно-правовую систему Российской империи [11, с. 35]. Она установила, что территория ногайского кочевья была разделена на 4 приставства: в первое приставство были объединены Калаусо-Саблинские и Бештово-Кумские ногайцы; во второе – Калаусо-Джембойлукские, в третье – Ачикулак-Джембойлукские и Едисанские, четвертое –

Едишкульские и Караногайские [11, с. 35]. По ее данным, в подведомственность Калаусо-Саблинского пристава были переданы верховья р. Калаус и ее нагорная сторона, территория между озерами Большой и Малый Янкули, а также часть земель Кавказских Минеральных вод. Калаусо-Джембойлукскому приставу – низовья Калауса и бассейнов рек Айгур, Барханчук, Камбулат и Кугульта. Ачикулак-Джебойлукскому – земли Закумской степи. Караногайское приставство на северо-востоке простиралось до берегов Каспийского моря, на северо-западе – до р. Кума, на юго-западе – до урочища Степан-Бугор [11, с. 35-36]. При этом она акцентирует внимание на том, что введение системы приставских управлений не повлияло на социальную структуру традиционного ногойского общества. Они по-прежнему находились под управлением мурз и старшин, но под надзором приставов – российских военных офицеров, подчинявшихся командующему Кавказской линией и Астраханскому военному губернатору К.Ф. Кноррингу [11, с. 36].

В начале 90-х гг. XIX в. должность пристава Кабарды занимал А. Ураков. Примечательно, что он в 1793 г. вошел в первый состав Моздокского верхнего пограничного суда и занял одну из двух судейских должностей, предназначавшихся для российских военных

Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН № 2 (94) 2020

офицеров. По данным А.Х. Абазова, в то время ставка кабардинского пристава находилась в Моздоке, а позже перенесена в станицу Прохладную. Кроме того, после А. Уракова пристав Кабарды в состав Пограничного суда больше не входил, однако состоял с ним в тесной переписке по разным вопросам [2, с. 106]. Полагаем, что немаловажным фактором по выведению кабардинского пристава из состава Моздокского верхнего пограничного суда стал именно территориальный фактор: суд находился в Моздоке, а специфика деятельности пристава требовала постоянного нахождения вблизи подведомственных народов.

В 1795 г. должность пристава Большой Кабарды занимал офицер Шестипалов [2, с. 43]. С 1797 г. в документах Моздокского верхнего пограничного суда в должности пристава Большой и Малой Кабарды упоминается коллежский советник полковник Лаба [2, с. 79].

Во всеподданнейшем рапорте генерал-лейтенанта Кнорринга от 16 марта 1800 г. упоминается отставной ротмистр Давыдов в должности пристава осетин, «обитающих в горах за Малою Кабардою, возле лежащей в Грузию дороги, издревле преданных к Российской державе, больше всех спокойных и содержавших здесь аманатов» [5, с. 717]. В документе упоминается об инциденте, случившемся 4 марта 1800 г., когда группа кабардинцев, явившись в осетинский населенный пункт под названием Каражев (так в оригинале документа – *И.Н.*), изгнала оттуда пристава Давыдова и находившуюся при нем казачью команду в количестве 20 человек [5, с. 717].

В 1800 г. для управления народами, проживавшими за пределами Кавказской линии, была учреждена должность Главного пристава. В круг его полномочий входили оказание покровительства и защиты проживавшим на подведомственной ему территории горских и кочевых народов, превенция междоусобных споров и конфликтов, содействие в беспрепятственном доступе к природным ресурсам (рыбной ловле, сельскохозяйственным работам, пастьбе скота, заготовке дров и т.п.), «управление миграцией», выдача паспортов («билетов») сроком до 1 года на право перемещения за пределы Кавказской линии, пресечение военных походов и вооруженных столкновений за пределами Линии, согласование с вышестоящим начальством вопросов решения локальных конфликтов и ликвидации их последствий на подведомственной территории, наблюдение за жизнью

подвластных народов, надзор за правильностью применения российских законов и традиционных социальных норм, содействие процессу отправления правосудия в российских судебных учреждениях по тяжким уголовным делам и т.п. Кроме того, Главный пристав был начальником локальных (частных) приставов, и на основании Указа «об определении коллежского советника К.С. Макарова» приставом в его подведомственности находились калмыки, кабардинцы, трухменцы, ногайцы и другие народы региона [3, с. 23; 4, с. 104]. С этого времени начинается новый этап в развитии системы локального судебно-административного контроля как механизма инкорпорации народов Кавказа в административно-политическое пространство Российской империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, учрежденные в последней трети XVIII в. на Центральном Кавказе и в Степном Предкавказье приставства стали базой для последующего создания управления Главного пристава – структуры, интегрирующей и координирующей деятельность локальных (частных) приставств. Введение должности Главного пристава в 1800 г. было своего рода первой попыткой укрупнить несколько локальных приставств в рамках одной управленческой структуры и назначить для координации их работы пристава более высокого уровня в административной иерархии. В целом в этот период в лице приставов было заложено основное звено административной структуры, ставшее во многом отправной точкой для последующей инкорпорации народов Северо-Кавказского региона в политико-правовое пространство Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. 264 с.
2. *Абазов А.Х.* Моздокский верхний пограничный суд в политике Российской империи на Северном Кавказе в 1793-1822 гг. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 124 с.
3. *Абрамян Л.П.* Нормативно-правовая основа включения народов степного Предкавказья в российское политико-административное пространство в конце XVIII – 20-х гг. XIX в. // «Кавказ: история и современность»: материалы III Международной научно-практической конференции. 26-27 сентября 2013 г. Т. 1. Пятигорск, 2014. С. 21-29.
4. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII до 1870 г. (на материалах Осетии): сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахизде. Владикавказ: ИПСОИГСИ, 2012. 399 с.
5. Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 1. Тифлис: Типография главного управления Наместника кавказского, 1866. 816 с.
6. *Афаунова М.И.* Институт приставства в Кабарде (1769-1822) // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2007. Вып. VI. С. 99-111.
7. *Блиева З.М.* Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. Владикавказ: СОГУ, 1992. 108 с.

8. *Блиева З.М.* Приставская система в Осетии (30–50-е гг. XIX в.) // Вестник СевероОсетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2017. № 4. С. 17-21.

9. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 г. Извлечения. Нальчик: Эль-Фа, 2001. 358 с.

10. *Глашева З.Ж.* Вовлечение территории Северного Кавказа в российскую структуру административного управления в пореформенный период // Сборник статей по материалам региональной научно-практической интернет-конференции «Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX в: направления и динамика интеграционных процессов», г. Нальчик, 26 октября – 6 ноября 2015 г. Нальчик: Издательский отдел Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, 2015. С. 156-163.

11. *Джамагулова А.Т.* Тенденции в административно-правовом развитии ногайцев Северного Кавказа в составе Российской империи в конце XVIII – 60-х гг. XIX в. // Современная наука и инновации. 2014. № 3 (7). С. 35-40.

12. *Джамагулова А.Т.* Ногайцы Северного Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья в социально-политических и экономических коллизиях XVIII – 60-х гг. XIX вв.: автореф. дис. ...к.и.н. Владикавказ, 2015. 27 с.

13. *Кидирниязов Д.С.* Первые административные реформы российских властей на Северном Кавказе в конце XVIII – 20-х гг. XIX в. // Вестник института ИАЭ. 2014. № 2. С. 18-32.

14. *Кидирниязов Д.С.* Государственная политика российских властей на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2016. № 1. С. 21-26.

15. *Малахова Г.Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2001. 392 с.

Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН № 2 (94) 2020

16. *Мальцев В.Н., Чирг А.Ю.* Институт приставства на Кавказе: создание, деятельность, эволюция (вторая половина XVIII – 1860 год) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 2. С. 89-96.

17. *Мамедов А.Н.* Приставская система управления на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX в. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена // 2008. № 76-1. С. 241-244.

18. *Потто В.А.* Кавказская война. Т. 2. Ставрополь: Кавказский край, 1994. 688 с.

19. *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. 272 с.

20. *Шавлохова Е.С.* Создание и особенности первых институтов административного управления горскими сообществами // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 1. С. 100-105.

Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН № 2 (94) 2020

Работа поступила 08.04.2020 г.